

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 7.033.38

**Письменные и изобразительные источники
по архитектуре Персии и Средней Азии эпохи
владычества Тимура и Тимуридов***А. В. Морозова, А. Даруди*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Морозова, Анна, и Айсан Даруди. «Письменные и изобразительные источники по архитектуре Персии и Средней Азии эпохи владычества Тимура и Тимуридов». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение* 12, no. 4 (2022): 724–743.
<https://doi.org/10.21638/spbu15.2022.409>

Рассматривается ценнейший источник по культуре и архитектуре Персии и Средней Азии эпохи правления Тимура (конец XIV — начало XV в.) — дневник испанского посла ко двору Тимура. Этот источник очень важен в аспекте предлагаемого авторами нового методологического подхода. На современном этапе развития исследований по персидской и среднеазиатской архитектуре тимуридского периода, наряду с проблемой анализа стиля и памятников, актуальна проблема синтеза полученных данных в единый цельный образ и поиск его культурологических корней. Базой для такого синтеза должна стать реконструкция «первоначального» общего впечатления от этой архитектуры и культуры Тимуридов. Подобную реконструкцию авторы статьи осуществляют на основе изучения современной архитектуре эпохи Тимура указанного письменного источника начала XV в. — дневника испанского гранда Руи Гонсалеса де Клавихо, входившего в состав испанского посольства, отправленного кастильским королем Генрихом III ко двору Тимура (1403–1406). Будучи человеком образованным и восприимчивым к новому, Клавихо сумел вычленил характерные черты мировосприятия человека Востока, в первую очередь восточного деспота, и связанные с ними особенности искусства Востока. Он и его коллеги по посольству обратили внимание на хитрость, вероломство, изобретательность, скрытность восточных правителей. Испанцев поразили роскошь, мощь и богатство державы Тимура, находившейся в зените славы. Привыкшие к стабильности архитектурных образов в родной Испании, члены посольства были поражены изменчивостью художественных образов Востока. Они

обратили внимание на любовь народов Востока к свободным драпировкам, отдающим на волю ветра, как в конструкциях шатров правителя и его придворных, так и в покрое праздничных женских одежд, по своему характеру хорошо согласующихся с убранством архитектурных построек. Испанские посланники выявили подвластное именно первому и самому верному свежему впечатлению, цепко схватывающему основное, отличие архитектуры державы Тимура от современной ей европейской. Это отличие состояло в стремлении создать образ меняющийся, многообразный, текучий, подвижный, не разгадываемый мгновенно и полный тайны и в то же время поражающий воображение своей роскошью и богатством и созвучный мировосприятию и отношению к жизни своих создателей, заказчиков и зрителей. Вывод о специфике тимуридской архитектуры, сделанный на основе исследования дневника испанского посла, подкрепляется обращением авторов статьи к анализу письменных и изобразительных источников, созданных представителями изучаемой культуры.

Ключевые слова: искусство Персии, искусство Средней Азии, архитектура державы Тимура, испано-персидские культурные контакты, испано-среднеазиатские культурные контакты, восприятие Востока европейцами, специфика искусства Тимуридов, Руи Гонсалес де Клавиho, испанское посольство XV в.

В период правления Тимура и Тимуридов (XIV-XV вв.) Персия и Средняя Азия были объединены в единое государство с единым архитектурным стилем, который достаточно полно исследован, особенно в Средней Азии, меньше — в Иране [1–9]. Изучены периоды становления архитектуры эпохи Тимуридов [10–12], описаны и проанализированы памятники [13–18], отдельные детали их убранства [19–25], однако современному зрителю и читателю все труднее понять и сформулировать своеобразие этого архитектурного стиля, вычленив ту равнодействующую, которая суммировала бы все специфические, достаточно многочисленные национальные особенности. Такая ожидаемая стадия развития исследовательской мысли — закономерный обобщающий итог, поскольку, как справедливо утверждал еще Г. Зедльмайр, произведение искусства и художественный стиль — это прежде всего «целостность», и целью их изучения является «не только анализ, но анализ и синтез одновременно» [26, с. 143]. Для того чтобы прийти к такому синтезу, необходимо, следуя заветам Зедльмайра, помнить первое впечатление от памятника, которое и должно стать базой для синтеза на основе скрупулезного анализа. Зедльмайр в этом не одинок: о важности понимания цельности как отдельного памятника, так и художественного стиля или направления писали еще романтики, одними из первых восставшие против дискретности подхода своих предшественников. Зедльмайр оказался солидарен с Н. П. Кондаковым (вспомним, например, знаменитый научный девиз последнего: «Вся жизнь для анализа, один день для синтеза»), М. В. Алпатовым, которого он сам называл своим заочным наставником. В настоящее время важность тезиса о поиске целостного образа как памятника, так и стиля никем не подвергается сомнению. Насколько же еще более обоснованным будет исследование, если мы постараемся учесть не только современное, сформированное в XX–XXI вв. впечатление от старинных памятников и художественных стилей, но и оценку современников этого искусства, эпохи XIV–XV вв., задачу обобщения которой мы и ставим перед собой в предлагаемой публикации. Важной в выбранном нами аспекте исследования является и характеристика современниками культурных устоев государства, на которых выросла рассматриваемая архитектура.

Таким образом, методология нашего исследования состояла в изучении источников XV в., посвященных описанию памятников современной им тимуридской архитектуры Персии и Средней Азии, и в характеристике особенностей тимуридской культуры. Рассматриваемые письменные и изобразительные источники мы разбили на три группы. К первой принадлежат источники, созданные современниками-иностранцами, которые не выросли и не развились духовно в контексте рассматриваемого искусства, а были представителями другой культуры, и увиденное поразило, удивило и восхитило их. Ко второй группе можно причислить письменные памятники, принадлежащие перу самих представителей изучаемой культуры. К третьей группе отнесем изобразительные источники, созданные также представителями изучаемой культуры. К сожалению, «внешних» изобразительных источников XV в. на настоящий момент неизвестно.

Обратимся к первой группе источников. Проанализируем такой яркий памятник, как дневник испанского посла ко двору Тимура.

Этот источник современен «Десяти книгам об архитектуре» Л. Б. Альберти, «Трактату об архитектуре» А.-А. Филарете и знаменитым «Комментариям» Л. Гиберти. Но, в отличие от представителей итальянского Ренессанса, к которым принадлежали Альберти, Филарете, Гиберти, испанский автор интересующего нас дневника был свободен от ренессансного «антикоцентризма». Он не был художником или меценатом, но при этом оказался не лишен восприимчивости к культуре, искусству и, в частности, к архитектуре, что встречается не столь часто. Для сравнения, знаменитое «Хождение за три моря» Афанасия Никитина или «Книга о разнообразии мира» Марко Поло являются в этом отношении гораздо менее щедрыми на описания именно художественных красот виденных их авторами земель.

В начале XV в. испанское посольство совершило путешествие ко двору Тимура. Оно было отправлено кастильским королем Генрихом III. Известно, что это было второе посольство ко двору Тимура из Кастилии. Первое ездило в Среднюю Азию в 1402 г. и вернулось назад в сопровождении посла Тимура с грамотами королю Кастилии и богатыми подарками (к сожалению, никаких письменных свидетельств от участников этого посольства до нас не дошло.) В ответ король посылает новое посольство с совершенно новым составом, которое сопровождает возвращавшийся домой посол Тимура [I, с. I-II]. Как справедливо подчеркивает И. С. Мирокова, решение об отправке посольства было вызвано, по всей видимости, нарастающей угрозой европейским государствам со стороны Турции и поиском потенциальных союзников в борьбе с нею [II, с. 4-5]. В качестве такого возможного союзника и воспринимался в Европе Тимур, военная слава которого гремела далеко за пределами Азии.

Посланники выехали из Кадиса морским путем 22 мая 1403 г., а 24 марта 1406 г. вернулись в Алькала де Энарес, где на тот момент находился Генрих III. За время путешествия они пересекли Средиземное и Черное море и через Северный Кавказ добрались до южного побережья Каспийского моря, далее их путь лежал через север Персии к переправе на Амударье около Чарджоу и к Самарканду. Примерно такой же была и обратная дорога. Посланников трое: магистр богословия Альфонсо Паэс де Санта Мария, Руи Гонсалес де Клавихо и королевский телохранитель Гомес де Саласар, который умер по дороге, не достигнув места назначения. Их сопровождала небольшая свита из слуг и помощников. Гонсалес де Клавихо с первого же

дня путешествия начал вести дневник и вел записи в течение всех трех лет поездки практически изо дня в день. В дневник попали и приключения, случившиеся с посольством до достижения владений Тимура (путь был нелегким и требовал от посланников большого мужества и хладнокровия), но наиболее подробно описаны земли, входившие в состав державы Тимура, и все, что касается личности и окружения самого Тимура. Словно в подтверждение этой мысли в конце дневника Клавихо, делая акцент именно на «восточной стороне» поездки, восклицает: «Слава Богу! Конец хронике великого Тамерлана и описанию путешествия, совершенного посланниками, которых послал светлейший король Энрико, прозванный Большим, с отчетом о всем замечательном и удивительном, что есть во всей восточной стороне» [I, с. 388].

В 1582 г. дневник Клавихо был издан в Севилье [III], следующее издание увидело свет в 1782 г. [IV]. В 1881 г. в Императорской Академии наук на основе этих двух испанских изданий под редакцией И. И. Срезневского вышел комментированный перевод документа на русский язык [I]; второе, уже современное нам издание с новым переводом и предисловием И. С. Мироковой и новейшими комментариями В. В. Бартольда, И. П. Петрушевского, Ф. И. Успенского и других выпустило в Москве издательство «Наука» в 1990 г. [II]¹

Труд Гонсалеса де Клавихо — ценнейший источник, в том числе для изучения особенностей восприятия европейским Западом мусульманского Востока. Однако до настоящего времени этот труд относительно мало привлекал к себе внимание исследователей. А если привлекал, то больше с бытописательской, без сомнения тоже очень важной точки зрения [27], или исторической и источниковедческо-текстологической [28; 29]. Собственно искусствоведческий подход при изучении этого важного документа своей эпохи задействован не был.

Уже по дороге в ставку Тимура Клавихо собирает сведения о мощи и силе его державы. Сообщает, что из Дамаска «всех мастеров, которые знали какое-нибудь ремесло, [Тимур] велел отвести в Самарканд» [I, с. 144].

Испанцы должны были быть знакомы с памятниками мусульманской архитектуры на территории Испании (возможно, с кордовской мечетью или синагогой в Толедо, при христианах освященных соответственно как собор Вознесения Богоматери и церковь Санта Мария ла Бланка), но мусульманскую архитектуру державы Тимура они видели первый раз и, несомненно, обратили внимание на ее характерные особенности, а также в целом на специфику цивилизаций Востока.

О себе Клавихо пишет по традициям тех эпох в третьем лице, словно воспринимая себя со стороны, объективно. Он остро подмечает особенности мировосприятия мусульман и связанные с ними характерные черты персидской и среднеазиатской архитектуры эпохи правления Тимура.

Как особенности мировоззрения и коммуникации правителей Востока выделяются хитрость, изобретательность, вероломство, скрытность: «Они народ изобретательный и хитрый и никогда не говорят правду» [I, с. 368]. Отметим испанцы и то, что в державе Тимура далеко не все настолько благополучно, как это явствует из слов чиновников. «В городе Самарканде соблюдается справедливость, — пишет Клавихо, — и ни один человек не смеет обидеть другого или сделать какое-нибудь

¹ Существует и английский перевод К. Маркхэма середины XIX в. [V], а также английский перевод Ле Стрэнджа 1928 г. [VI] и более новое его переиздание [VII].

насилие без приказанья царя; а царь делает его столько, что с них довольно» [I, с. 335]. Вероломство и хитрость Тимура до глубины души поразили посланников. Описывают они то, что Тимур еще при жизни несколько раз распространял слухи о своей смерти и следил за реакцией подданных. Тех, кто делал попытку к неповиновению и восстанию, он сразу казнил. Поэтому, когда правитель умер на самом деле, никто этому не смел поверить [I, с. 363].

Удивителен был и случай с монгольским правителем Тохтамышем. Тохтамыш разграбил находившуюся в подданстве у Тимура Персию, последний с войском бросился в погоню за ним, но догнал уже после того, как монголы переправились на свой берег реки Тесины. На словах Тимур обещал Тохтамышу дружбу. Не делая попыток перебраться через охраняемую переправу, Тимур с войском направился вверх по реке. Тохтамыш следовал параллельно ему по другому берегу. На третью ночь Тимур дал приказ по своему войску, чтобы все женщины облачились в мужские наряды, водрузив на головы шлемы, а сам с мужчинами-воинами, тайком преодолев за считанные часы в бешеном галопе расстояние, которое было пройдено за несколько дней, вернулся ночью к переправе, перешел реку, напал на Тохтамышу и разбил его [I, с. 338]. И таких примеров хитрости и изворотливости Тимура, как и его сыновей, внуков и вассалов из других земель Востока, у Клавихо великое множество. Подготовка похода на Китай также оказалась скрыта от глаз испанских послов.

Разумеется, испанские гости всюду обращали внимание на мощь державы Тимура, быстроту сообщения между разными областями страны, силу власти деспота, приводящего в трепет подданных и заставляющего их неукоснительно выполнять возложенные на них обязанности даже при отсутствии надзора со стороны. По поводу организации связи внутри державы Тимура Клавихо замечает: «И не только одна эта дорога так снабжена лошадьми, но вся его [Тимура] земля; так что при такой безостановочной езде он может получить в несколько дней вести из всех своих земель и со всех границ» [I, с. 201]. И дальше о не менее поразительных для иностранцев побочных эффектах этой быстроты сообщения между регионами государства: «...по дорогам встречается столько мертвых лошадей, таких, что заморены ездой, что нельзя не удивляться» [I, с. 202]. Рассказывая о местных жителях селений, через которые проезжало посольство, Клавихо с юмором отмечает, что эти люди «уже знали, что с посланниками приходят для них черные дни, и так бежали, точно дьявол гнался за ними» [I, с. 212], что объяснялось вмененной Тимуром местным жителям обязанностью всячески обихаживать представителей власти и всех имеющих к ней отношение. В другом месте Клавихо говорит о бумаге с царскими печатями: «...когда такая бумага выдана, стоит только показать на ней печати мирасс и царя, как все исполняется по ней без малейшего промедления, в тот же день и в тот же час» [I, с. 337].

Встретились на пути посланников и страшные свидетельства жестокости Тимура, в частности около Дамгана «на расстоянии выстрела стояли две башни такой высоты, на сколько можно бросить вверх камень; они были сделаны из грязи и человеческих черепов; тут же были и еще другие две башни, уже развалившиеся. Эти башни, сложенные из черепов, остались от племени, которое называлось Белые Татары, а жители этого города [Дамгана] говорили, что много раз они видели ночью свет точно свечки наверху этих башен» [I, с. 194-5].

Клавихо в дневнике всюду подчеркивает богатство городов державы Тимура, роскошь дворцов правителя, драгоценность убранства воздвигнутых по его приказанию мечетей, мощь крепостей и замков, разнообразие типов построек (дворцы, мечети, мавзолеи, бани, гостиницы). Про город Тебриз он сообщает, что «в этом городе есть очень большие здания и мечети, украшенные удивительным образом изразцами и плитками, лазурью и золотом греческой работы и множеством прекрасных стекол» [I, с. 169]. И далее: «Еще были в этом городе красивые и богатые мечети, и также были бани, самые великолепные, я думаю, какие только могут быть на свете» [I, с. 171]. Про город Султанию Клавихо сообщает, что «через него проходит много каналов, и в нем есть много хорошо отделанных площадей и улиц, где продаются разные товары. Еще есть в нем большие гостиницы, где останавливаются купцы, которые приезжают туда» [I, с. 179]. Уже переправившись через Амударью, Клавихо записывает в дневнике, что в один из дней они остановились на обед «у подошвы одной высокой горы, где был построен прекрасный дом, сделанный крестообразно, украшенный очень хорошою работою из кирпичей, со множеством разводов и составленных, и нарисованных, и с узорами из разноцветных изразцов» [I, с. 230]. О городе Кеш, из которого происходил Тимур, Клавихо сообщает, что «в этом городе было много больших домов и мечетей, в особенности одна мечеть, построенная Тамурбеком [т.е. Тимуром], которая даже еще не была кончена» [I, с. 233] «Эта мечеть и часовни ея очень богаты и великолепно отделаны золотом, лазурью и изразцами» [I, с. 234]. Про Самарканд пишет, что «он немного больше города Севильи» [I, с. 325], «так изобилен и богат этот город, и земля, окружающая его, что нельзя не удивляться» [I, с. 327]. В самом Самарканде входная дверь в сад, где посланников принимал Тимур, «была очень широкой и высокой, превосходно отделанной золотом, лазурью и изразцами» [I, с. 248] «У этого сада были высокие и красивые ворота, сделанные из кирпича и отделанные изразцами, лазурью и золотом на разные лады» [I, с. 257], — замечает Клавихо об одной из резиденций. Таким образом, испанский посол постоянно подчеркивает красоту, величественность построек Тимура, роскошь их убранства, в котором главную роль играют, судя по множественному упоминанию, украшенные золотом и лазурью изразцы.

Сам Тимур всячески хотел продемонстрировать иностранным гостям свое могущество, чуть ли не каждый день приглашая их в новые апартаменты, сады и дворцы. Устроив прием в одном дворце в Самарканде, он через какое-то время отправляется в другой, потом в третий, и так бесчисленное количество раз. Дворы во дворцах Тимура обширные, водоемы имеют большую площадь, двери «высокие и широкие», а «отделка золотая, лазоревая и других различных цветов, удивительной работы, и даже в Париже, где есть искусные мастера, эта работа считалась бы очень красивой» [I, с. 236], — признается Клавихо.

Тимур, кичась своим могуществом, свысока относится к королю далекой Испании. На одном из пиров, где в числе приглашенных были испанские посланники, он заявил: «...этих посланников... посылает мне сын мой, король Испании, первый из всех королей, какие есть у франков, что живут на конце света» [I, с. 251]. При дворе Тимура испанских посланников всюду называли «посланниками франков» [I, с. 260], видимо, имея слабое представление о разнообразии европейских народов. Клавихо утверждает, что чем знатнее были приезжавшие к Тимуру послы (из

Европы, Турции, Китая), тем дальше он их не допускал пред свои очи. Испанских гостей он, по своему обычаю, принял только по прошествии пяти дней [I, с. 246].

В искусстве Востока гости обратили внимание на изменчивость создаваемого мастерами художественного образа. Живописность облика памятников достигалась использованием изразцов. В городе Султания, взятом Тимуром в 1386 г. (его развалины располагаются на юго-востоке от Зенгана между Тегераном и Тебризом), внимание Клавихо привлек замок, все башни которого были украшены изразцами, «отделанными различными узорами» [I, с. 176, 411]. На родине Тимура, в городе Кешь, членов посольства повезли смотреть «большой дворец», о котором Клавихо пишет, что «в этом дворце был очень длинный вход и очень высокие ворота, и сейчас у входа по правую и по левую руку были кирпичные арки, покрытые изразцами, разрисованными различными разводами» [I, с. 234]. Под арками находились ниши, пол которых тоже был выложен изразцами [I, с. 235]. За воротами располагался просторный двор, пройдя через который можно было попасть в интерьеры дворца через «очень высокую и широкую дверь, украшенную золотом, лазурью и изразцами, очень красивой работы» [I, с. 235]. Стены приемной залы во дворце «были разрисованы золотом и лазурью и отделаны полированными изразцами; а потолок весь позолочен» [I, с. 236]. В Самарканде по приказу Тимура испанцев возили в дом с садом, в котором гости отметили красивые ворота, сделанные из кирпича и «отделанные изразцами, лазурью и золотом на разные лады» [I, с. 257]. Золото, лазурь и изразцы с *разнообразным* («различным», сделанным «на разные лады», «множественным») орнаментом создают постоянно меняющиеся образы.

Из построек эпохи Тимура в Самарканде до нас дошли немногие. Среди них такие яркие памятники своего времени, как мемориальный комплекс Шах-и-Зинда (рис. 1), мечеть Биби-Ханым (рис. 2), о строительстве которой упоминал Клавихо в своем дневнике, и мавзолей Тимура Гур-Эмир (рис. 3), достроенный уже после смерти правителя. Эти памятники подтверждают верность заключений Клавихо. Поверхность их стен украшена изразцами, в цвете которых преобладает лазоревый, порою сливающийся с цветом неба. Об усыпальнице внука Тимура Мухаммада Султана, будущем мавзолее самого правителя, Клавихо пишет, что «часовня была четырехугольной, очень высокой, и как внутри, так и снаружи расписана золотом и лазурью и отделана изразцами и стеклом» [I, с. 314]. Когда постройка была возведена в первый раз, «царь... остался недоволен часовней... он приказал разломать ее и в десять дней построить вновь» [I, с. 315]. «Увидевши, что эта работа кончена, царь приказал начать другую работу в городе, потому что он постоянно хочет украсить этот город Самарканд» [I, с. 316]. А про мечеть Биби-Ханым Клавихо замечает: «Мечеть, которую царь приказал построить в честь матери своей жены Каньо, была самая важная во всем городе» [I, с. 319].

Особое внимание Клавихо обратил на использование разных тканей в убранстве кирпичных построек и при возведении временных шатров. Стены дворцовых покоев декорируются занавесями, отделанными серебряными позолоченными бляхами с изумрудами, жемчугом и другими «каменьями» и украшенными разноцветными кистями. «Когда их касался ветер, они качались в разные стороны, что было очень красиво» [I, с. 258]. «Посреди сада стоял очень красивый дом, построенный крестообразно и украшенный богатыми занавесями» [I, с. 257-8], — замечает посланник. «Пол и стены были покрыты изразцами» [I, с. 258], «...стены были убраны

Рис. 1. Мемориальный комплекс Шах-и-Зинда в Самарканде. Фото из семейного архива А. В. Морозовой

Рис. 2. Мечеть Биби-Ханым в Самарканде. Фото из семейного архива А. В. Морозовой

Рис. 3. Гур-Эмир в Самарканде. Фото из семейного архива А. В. Морозовой

полотна, напомнившая посланнику оборку на женской юбке и прошитая золотыми нитями: «...когда дул ветер, складки этого полотна развевались в разные стороны, и это было очень красиво» [I, с. 273-4]. «Когда ветер приводил в беспорядок павильон и стены, люди всходили наверх и шли по ней [по постройке, используя брусья и канаты], куда было нужно; она была так высока, что издали казалась замком. Так велик, так высок и обширен был этот павильон, что на него нельзя было смотреть без удивления, и красоты в нем было гораздо больше, чем возможно описать» [I, с. 271]. Клавихо даже сравнивает впечатление от «палаточного» города с впечатлением от стационарных построек: «Как раз возле ограды была другая [палатка] также... из шелковых материалов, сделанная так, что казалась точно из изразцов, и в ней были в некоторых местах окошки с дверцами» [I, с. 274]. Единственная деревянная постройка среди шатров и палаток — переносная мечеть Тимура. «Весь дом, — пишет об этом здании Клавихо, — был расписан красивыми узорами золотом и лазурью, и был так устроен, что его можно было складывать и разбирать, когда угодно, это была мечеть, в которой царь молился и которую возил с собою всюду, куда отправлялся» [I, с. 310]. «Всего в этой царской орде было около сорока или пятидесяти тысяч палаток, что представляло прекрасное зрелище, и кроме этих палаток, было поставлено еще много других в садах, на лугах, и у воды вокруг всего города [Самарканда]» [I, с. 312]. Интерьеры шатров и палаток украшались многочисленной утварью из драгоценных металлов с инкрустацией из драгоценных камней.

Одежды присутствовавших на торжественном приеме жен Тимура и их свиты кроились таким образом, чтобы создавать ощущение динамики и изменчивости.

занавесями из шелковой ткани разного цвета. <...> Сверху их висели вниз куски шелковой ткани, шириною в пальмо, доходившие до низу и отделанные так же, как и занавеси; а от этих кусков висели шелковые разноцветные кисти» [I, с. 258]. «Перед дверью в... альков, которая была в форме арки, была такая же занавесь, так же отделанная, висевшая на палках вроде копий, а от них висели шелковые шнурки с большими кистями, которые доходили до земли. Другие альковы были убраны другими подобными занавесями, а на полу были ковры и рогожки» [I, с. 258]. Тимур, обращаясь к испанским посланникам, заметил, что «он делает этот праздник для них, чтоб они увидели его дом и придворных и любовались всем» [I, с. 260].

В садах вокруг Самарканда, где был разбит стан Тимура, Клавихо поразила одна палатка, вокруг которой посередине шла опоясывающая ее полоса белого

Когда Каньо, старшая жена Тимура, в сопровождении многочисленных прислужниц церемонно шествовала на пир, султан на ее головном уборе, напоминавшем большой матерчатый шлем, «раскачивался в разные стороны» [I, с. 294].

Таким образом, испанские посланники выявили подвластное именно первому и самому важному впечатлению, цепко схватывающему основное, отличие архитектуры державы Тимура от современной ей европейской архитектуры. Это отличие состояло в стремлении создать образ меняющийся, многообразный, текучий, подвижный, не разгадываемый мгновенно, полный тайны, и в то же время поражающий воображение своей роскошью и богатством и созвучный отношению к жизни своих создателей, заказчиков и зрителей.

Интересно, что образ тимуридской архитектуры, представленный на страницах дневника Клавиho, гармонирует с образом, возникающим в современной этой архитектуре восточной литературе, в частности в поэмах Алишера Навои (1441-1501), творившего на персидском и узбекском языках и жившего в персидском городе Герат во времена Тимуридов.

Алишер Навои получил должность везира, т.е. министра, при Султан-Хусейне. Как везир, он много сделал для превращения Хорасана в цветущую страну. По его указанию на караванных дорогах строились постоянные дворы — рабаты. Через реки Хорасана возводились прочные мосты, ремонтировались старинные здания. В Герате Навои выстроил целый квартал с больницами, школами (медресе), общежитиями для ученых и поэтов (ханакми), библиотеками. Есть свидетельства о том, что он внимательно следил за ходом работ, выполнявшихся по его указанию, вплоть до того, что лично приходил на строительную площадку и носил кирпичи и месил глину. Кроме того, он пожертвовал на строительство немалую сумму из своих личных средств. Поэтому неудивительно, что описание архитектурных памятников присутствует в его поэмах, прежде всего таких как «Фархад и Ширин» и «Семь планет».

В поэме «Фархад и Ширин» влюбленный Фархад строит дворец для Ширин. Дворец получился большой, просторный, с вознесшимся над ним высоким куполом и просторными многоколонными айванами. Весь дворец был «отзеркален»:

Он отзеркалил так скалу-дворец,
Что весь подобен стал стеклу дворец
[VIII, с. 143].

То есть Фархад тщательно отшлифовал стены. Дворец и так был высечен из цельной круглой скалы, а в результате шлифовки и полировки его стены утратили свою материальность и казались созданными из стекла.

Далее Навои пишет о дворце Фархада:

Своим резцом художник-камнетес
Узоров много на айван нанес,
Украсил стены множеством картин, —
На каждой он изображал Ширин
[VIII, с. 143].

Соответственно узоры и картины должны были усилить ощущение имматериальности стен и колонн дворца.

Удивительнее всего то, что архитектуру Навои воспринимает в цвете. Для царевича Бахрама в «Семи планетах» строится семь дворцов, каждый своего цвета, и в каждом из этих дворцов царевич проводит по неделе. Убранство здания и сказки, которые Бахрам слушает в каждой резиденции, соответствуют цвету дворца. В черном дворце все вплоть до мельчайших предметов декора и обихода цвета скорби. В красном всё цвета красных роз, облака «покрыты киноварью»:

В розовоцветный дом Бахрам вошел,
Подобный розе, там алел престол.
Одежда шахская была красна.
Он цвета розы попросил вина.
На зов его пришла царица роз,
В ее руках был розовый поднос

[VIII, с. 285].

И даже в рассказах, которые звучат под сводами этого дворца, тоже все окрашено в красные тона:

Был каждый из гостей одет в халат,
Как роза рдяный, красный, как гранат.
Алела утварь у Масуда вся,
Рубиновой была посуда вся!
И кравчий путнику вино поднес,
Душистое, как сок пунцовых роз...

[VIII, с. 295]

Кроме черного и красного, есть еще золотой, зеленый, голубой, сандаловый дворцы. Зеленый цвет — цвет счастья. Вспомним, что тимуридская архитектура ярко украшена поливными изразцами и мозаиками, как правило, зеленого и голубого цвета.

В коллекции Государственного Эрмитажа хранится рукопись Низами «Хамсе», «переписанная Махмудом в Герате для султана Шахраха» [30, с. 105] в 1431 г. Входящая в ее состав поэма «Семь красавиц», лежащая в основе «Семи планет» Навои, проиллюстрирована миниатюрами, точно передающими суть персидского понимания архитектуры (рис. 4–6).

В персидских сказках мы находим такой же подход к архитектуре с наделением памятников определенным цветом. Можем вспомнить сказку о лиловой бане, где, в свою очередь, почти все в интерьере и действующих лицах было лиловым [IX]. «Проезжали мы один город, который зовется Лиловым, потому что жители его ходят в лиловых одеждах. В этом городе есть баня, которую тоже называют Лиловой баней. <...> Пусть войдет туда сто, двести человек. Все выйдут в лиловых одеждах» [IX, с. 226]. Главный герой Масуд входит в баню, оказывается в саду и видит дворец. «Он вошел и увидел внутри другой дворец лилового цвета» [IX, с. 229]. Масуда тоже облачают в лиловые одежды. Герой снимает с бани и города злые чары и расколдовывает всех людей, носивших лиловые одежды — символ печали и несчастий.

В персидской народной сказке «Сад с желтыми розами» снова речь идет об эффектности однотонного цветового решения. Невеста, от которой из-за происков служанки хотел отказаться сын падишаха, благодаря совету будущей свекрови добилась его расположения, несколько дней подряд наряжаясь в одежды, соответ-

Рис. 4. Бахрам-Гур в Желтом дворце. Миниатюра иллюстрирует рукопись «Семь красавиц», входящую в «Хамсе» Низами. 1431 г. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № VP-1000. Л. 281а

Рис. 5. Бахрам-Гур в Зеленом дворце. Миниатюра иллюстрирует рукопись «Семь красавиц», входящую в «Хамсе» Низами. 1431 г. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № VP-1000. Л. 285б

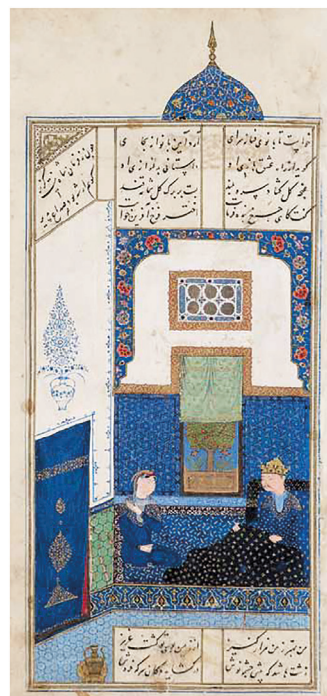

Рис. 6. Бахрам-Гур в Синем дворце. Миниатюра иллюстрирует рукопись «Семь красавиц», входящую в «Хамсе» Низами. 1431 г. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № VP-1000. Л. 296а

ствующие цвету сада, где она прогуливалась: первый день она «надела... желтое платье, села верхом на солового жеребца и отправилась в сад с желтыми розами», на следующий день «надела... красное платье, села верхом на огненно-рыжего жеребца и поскакала в сад с красными розами», на третий день «нарядилась... во все белое, украсила себя лучше прежнего и села на белого коня», чтобы «быть в саду с белыми розами» [X]. И добилась своей цели.

Памятники персидской литературы воссоздают образ архитектуры, гармонирующий с образом со страниц дневника испанского гранда Клавихо, что еще раз подтверждает восприимчивость испанца к особенностям культуры и архитектуры тимуридской державы и может помочь современным исследователям в поиске цельного образа этой архитектуры и породившей ее культуры.

Образ иранской архитектуры эпохи Тимура и Тимуридов создан и в современной ей персидской миниатюре, которая, будучи выдающимся явлением искусства [30–34], может также использоваться как изобразительно-вещественный источник по архитектуре Тимуридов.

Основные характеристики персидской миниатюры — ее двухмерность, плоскостность, отсутствие тени и объема, устранение перспективы, упрощение формы

и последующая детализация, принятие логики ограничения набора цветов. В ней все теряет вес и объем, материальность и тень. Преобладающие цвета — зеленый и синий, которые вместе с красным, желтым, землистым и лазурным передают мягкость света.

После смерти Тимура большая часть его владений в Иране перешла к его сыну Шахруху. В мастерских двора Шахруха и его сына Байсонкура многие художники, в том числе граверы и каллиграфы, со всего царства Тимуридов, включая Самарканд, Тебриз и Шираз, были собраны в городе Герат и сформировали Гератскую школу, существование которой охватывает исторический период с 1432 по 1475 г. и которая может считаться одной из самых значительных школ миниатюры в Тимуридском Иране.

Во многих источниках последний период Гератской школы справедливо называется эрой Бехзада. Кемаль-ад-Дин Бехзад (ок. 1455 — 1535/36) был художником, унаследовавшим темы, ключевые и традиционные мотивы, декор и идеи, укорененные в его культуре. Кульминацией развития оригинального стиля Бехзада стали архитектурные фоны. Изображение архитектурных пространств и реалистичность в прорисовке различных украшений зданий — одна из уникальных особенностей его работ.

В миниатюре из «Хамсе» Низами Ганджеви кисти Бехзада (ок. 1494, Лондон, Британский музей) халиф Харун аль-Рашид изображен в ванной комнате. Мы можем наблюдать определенную ритмическую организованность планов и колористической гаммы. Композиция строится как трехчастная: справа на отдельном выступе поля миниатюры показан портал бани, украшенный килевидной арочкой, над которой располагается изразцовая мозаика, украшающая тимпан портала, и слева два просторных, судя по сопоставлению небольших фигурок и пространства, помещения: раздевалка и зал для мытья. Высота первого зала подчеркнута ковриками, высоко повешенными над головами людей. Служащий передвигает или снимает их длинным тонким шестом, раз в пять-шесть превосходящим по длине его собственный рост. Потолок не изображается, что дополнительно усиливает ощущение простора и воздуха. В банном отделении стена украшена килевидной аркой, вписанной в прямоугольную раму, и аркатурным поясом с килевидными завершениями трех арочек. Стены внутренних покоев отделаны по низу фризами из изразцов. Зритель выносит из созерцания миниатюры ощущение простора, чистоты и уюта.

В миниатюре Бехзада «Нищий в мечети» (1489, Каир, Египетская национальная библиотека) к рукописи «Бустан» Саади изображены внутренние и внешние фрагменты архитектуры мечети, а также люди, выполняющие в ней свою работу. На этих миниатюрах показаны архитектурные особенности здания, облицовка его керамической плиткой и каменная конструкция цоколя, а также изысканность деревянных конструкций кафедры. Рисунки, украшения и надписи выведены с идеальной точностью.

Бехзад уделял пристальное внимание деталям архитектурного пространства, его оформлению, цвету и каллиграфии, и в качестве источника вдохновения использовал реальные примеры. Например, надпись на главном входе в мечеть, помещенная в белую строку на лазурном фоне, является одной из сур Корана. Стих прославляет истинность мечети, утверждает ее принадлежность Богу и имеет прямое отношение к теме миниатюры. В верхней части портала с колоннами помещен

хадис пророка Мухаммада. Примечательно, что он встречается среди надписей входа мечети Гохаршад в Мешхеде, относящейся к периоду Тимуридов. В середине притвора и под куполом мечети есть еще несколько надписей, тексты которых также являются хадисами пророка Мухаммада.

В отличие от бань, здание мечети выделено куполом. Купол имеет сферо-коническую форму и сверху украшен золотым стержнем, представляющим видимый в профиль полумесяц. Купол зеленоватого цвета, следовательно, облицован зелеными изразцами. Хотя лист рукописи делится на части не только вертикально, но и горизонтально, общая высота помещений по сравнению с предыдущей миниатюрой ниже, но за счет малого количества фигур и больших участков белого фона и светлых тонов впечатление просторности помещений сохраняется. Изразцовые мозаики ковром покрывают стены арочных галерей внутреннего двора в нижней части миниатюры, где зритель видит верующих, которые совершают омовение. В данном случае это трехлопастные арочные проемы с килеобразным завершением, вписанные в отмеченную мозаикой более светлого тона прямоугольную раму. Вверху слева мы видим галерею на тонких изящных колонках с фигурными базами и сталактитовыми капителями, а справа вверху — сцену с двумя фигурами (одна из которых, видимо, имам, вторая — верующий) перед михрабом. Стена михраба белая, а ниша выделена мозаичной изразцовой рамой, четко читающейся на фоне стены. Арка ниши тоже многолопастная; похожая по форме арка, забранная вверху изразцовой мозаикой, украшает верхнюю часть стены, внизу идет изразцовый фриз. Темный, почти черный изразцовый фон заполнен «тонущим» в нем растительным и геометрическим орнаментом со влетенными в него вышеупомянутыми эпиграфическими надписями с разбросанными там и здесь белыми цветами. В целом из созерцания миниатюры зритель выносит ощущение легкости и воздушности.

На другой миниатюре из приписываемых Бехзаду, из рукописи «Гулистан» Саади, изображена школа (1486, частное собрание). В надписи на входе приведены стихи 18-й суры Джан. Согласно этим стихам, считается, что занятия проводились в мечети, хотя по характеру изображенного здания можно признать его за медресе. Это мусульманский тип школы, в которой, как считается, создаются узы любви с Богом, здесь человеку открывается мир земных смыслов и значение истинной любви. Надписи, украшающие медресе, имеют мистический смысл и напоминают о том, что, посещая медресе, человек учится определять свои действия и мысли. Бехзад помещает надпись с именем Аллаха и Всевышнего в михрабе на изображении школы.

В миниатюре совмещены в одном изображении наружный розовый фасад здания и интерьер мечети, оформленный с преобладанием мозаик синего тона. По нижней части стены проходит изразцовый фриз, а ниша михраба окаймлена изразцовым полем с килеобразной аркой в прямоугольном завершении, четко читающемся на белом фоне стены. Вверху стена михраба завершается изразцовым полем килеобразной арки. Ковровая поверхность изразцового фона заткана множеством орнаментальных мотивов растительного, геометрического и эпиграфического характера, растворяющихся в общем господствующем синем цвете. Из-за присутствия белого фона, соответствующего соотношения между фигурами и обширным пространством и большого количества мелких членений каждой крупной детали все в миниатюре кажется легким и невесомым.

Рис. 7. Лейли и Меджнун в школе. Миниатюра из поэмы «Лейли и Меджнун», входящей в «Хамсе» Низами. 1431 г. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № VP-1000. Л. 169а

помещения расположена вертикальная декоративная полоса, возможно имитирующая михраб. Последний украшен другим орнаментом, чем тот, что помещен на горизонтальном фризе, но также созданным в голубых тонах. Над михрабом надпись с цитатой из Корана каллиграфическим почерком куфи. Слева показана боковая стена помещения с приоткрытой красивой, из резного дерева дверью, в проеме которой мы видим одного из учеников. Изображение боковой стены позволяет сместить михраб с геометрической оси симметрии листа, что добавляет пространству динамизм и воздушность. Произведение принадлежит к миниатюрам знаменитой Гератской школы. По сравнению с миниатюрами более поздней эпохи Сефевидов, в частности с миниатюрами художника Султана-Мухаммада, отличающимися более цветистым колоритом и заполненностью декором буквально всех возможных цезур в изображении, миниатюры Гератской школы характеризуются подчинением колористического строя доминирующему, чаще всего синему, цвету, легкостью и просторностью архитектурных построек.

Таким образом, анализ образцов из всех трех обозначенных выше групп источников, современных тимуридской архитектуре, доказывает, что образ этой архитектуры, сформировавшийся у ее современников, отличается цельностью и гармоничностью. Для него характерны подвижность, динамичность, невесомость,

На миниатюре Бехзада (1495/1496, Лондон, Британский музей) к рукописи «Хамсе» Низами изображено строительство. Здание еще возводится, строятся стены с килевидным арочным завершением. Они пока остаются без изразцово-й облицовки. Видно, однако, что кирпичные. Кирпичи формуют тут же внизу и поднимают наверх в специальных корытах. Видимо, даже не обжигают.

В своих миниатюрах Бехзад уделял большое внимание деталям архитектурного пространства, в том числе цвету и надписям, и использовал реальные существующие архитектурные образцы.

В хранящейся в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге рукописи «Лейли и Меджнун», входящей в «Хамсе» Низами 1431 г., есть высоких художественных достоинств миниатюра, изображающая интерьер медресе (рис. 7). Имя художника остается неизвестным [30, с. 66-76]. Свойственная иранской миниатюре точка зрения художника как будто сверху, позволяющая охватить взглядом помещение и всех находящихся в нем, помогает мастеру создать впечатление простора, легкости и свежести. По низу стены проходит широкий керамический фриз, выполненный в голубых тонах, с тонким изысканным орнаментом. По центральной оси

роскошь декоративной отделки, изменчивость и неповторимость, столь органично перекликающиеся с особенностями восточной культуры.

Литература

1. Пугаченкова, Галина. *Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
2. Golombek, Lisa, and Donald Wilber. *The Timurid Architecture of Iran and Turan*, 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 1988.
3. Golombek, Lisa, and Maria Subtelny, eds. *Timurid Art and Culture: Iran and Central Asia in the Fifteenth Century*. Leiden: Brill, 2014.
4. Dale, Stephen. "The Legacy of the Timurids". *Journal of the Royal Asiatic Society*, no. 8 (1998): 43–58.
5. Habibi, Amir. *Honar-e Ahd-e Teymourian*. Tehran: Bonyad-e Farhang, 1976. (На фарси)
6. Hillenbrand, Robert. "The Timurid Achievement in Architecture". In *A survey of Persian art from pre-historic time to the present*, 18 vols. Ed. Abbas Daneshvari, vol. 18: 235–45. Costa Mesa: Mazda Publ., 2005.
7. Hillenbrand, Robert. "Aspects of Timurid Architecture in Central Asia" In *Utrecht Papers on Central Asia. Proceedings of the First European Seminar of Central Asian Studies held at Utrecht, 16–18 December 1985*, eds Mark van Damme and Hendrik Boeschoten, 255–86. Utrecht: University of Utrecht, 1987.
8. O'Kane, Bernard. *Timurid Architecture in Khurasan*. Costa Mesa: Mazda Publ., 1987.
9. O'Kane, Bernard. "Iran and Central Asia" In *The Mosque: history, architectural development and regional diversity*, eds Martin Frishman and Hasan-Uddin Khan, 118–39. London: Thames and Hudson, 1994.
10. Ахмедов, Буритай, Розия Мукминова и Галина Пугаченкова. *Амир Темура. Жизнь и общественно-политическая деятельность*. Ташкент: Университет, 1999.
11. Турсунова, Гулчехра. *Основные этапы деятельности Амира Темура: 1360–1405 гг.* Дис. канд. ист. наук. Худжандский филиал Таджикского государственного университета коммерции, 2006.
12. Стародуб, Татьяна. *Эволюция типов средневековой исламской архитектуры*. Дис. д-ра иск. НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ, 2006.
13. Воронина, Вероника. *Архитектурные памятники Средней Азии: Бухара, Самарканд*. Л.: Аврора, 1969.
14. Онуллахи, Сеидага. *Тегриз в XIII–XVII веках (социально-экономическая история города)*. Дис. д-ра ист. наук. Институт истории Академии наук Азербайджанской ССР, 1982.
15. Юсупова, Мавлюда. *Бухарская школа зодчества XV–XVII вв.: Особенности и динамика развития*. Дис. д-ра арх. Ташкентский архитектурно-строительный институт, 2000.
16. Bernadini, Michelli. "The Ceremonial Function of Markets in the Timurid City". *Environmental Design*, no. 9 (1991): 90–7.
17. O'Kane, Bernard. "The Timurid Bazar and the Origin of the Domed Tim". In *Historians in Cairo: Essays in Honor of George Scanlon*, ed. Jill Edwards, 17–28. Cairo: AUC Press, 2002.
18. Dold-Samplonius, Yvonne. "Calculation of Arches and Domes in 15th Century Samarkand". In *Nexus III: Architecture and Mathematics*, ed. Kim Williams, 45–55. Pisa: Pacini Editore, 2000.
19. Рахимзаде, Голамхосейн. *Развитие архитектурного орнамента Мавераннахра и Хорасана в XIV–XV вв.* Дис. канд. ист. наук. Таджикский национальный университет, 2015.
20. Тонди, Ахмад. *Архитектурный декор Средней Азии эпохи Тимуридов*. Дис. канд. иск. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2003.
21. Necipoglu, Gülru. "Geometric Design in Timurid/Turkmen Architectural Practice: Thoughts on a Recently Discovered Scroll and Its Late Gothic Parallels" In *Timurid Art and Culture: Iran and Central Asia in the Fifteenth Century*, Lisa Golombek and Maria Subtelny (eds), 48–66. Leiden: E. J. Brill, 1992.
22. Булатов, Митхат. *Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв.* М.: Наука, 1978.
23. Chaghatai, Muhammad. "Indian links with Central Asia in architecture". *Indian Arts and Letters*, no. 11 (1937): 85–94.
24. Golombek, Lisa. "The *paysage* as funerary imagery in the Timurid Period". *Muqarnas*, no. 10 (1993): 241–52.
25. O'Kane, Bernard. "Timurid Stucco Decoration". *Annales Islamologiques*, no. 20 (1984): 85–101.

26. Зедльмайр, Ганс. *Искусство и истина: теория и метод истории искусства*. Пер. Юрий Попов. СПб.: Аxiома, 2000.
27. Халаминский, Юрий. *Дорогами легенд*. М.: Советский художник, 1967.
28. Ру, Жан-Поль. *Тамерлан*. Пер. с фр. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2012.
29. Мирокова, И. “Клавихо. ‘Дневник путешествия в Самарканд’ (сравнительная характеристика двух печатных изданий 1582 и 1782 г.)”. В изд. *Письменные памятники Востока. История, филология*, ред. Магомед-Нури Османов и др., 133–43. М.: Наука, 1979.
30. Адамова, Адель. *Персидские рукописи, живопись и рисунок XV — начала XX века. Каталог коллекции*. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010.
31. Гасанзаде, Джамиля, и Агасалим Эфендиев. “Бехзад, его влияние и роль в Тебризе”. *Искусство*, no. 2 (2014): 56–63.
32. Ашрафи, Мухаддим. *Бехзад и развитие Бухарской школы миниатюры*. Душанбе: Дониш, 1987.
33. Adamova, Adel. *Mediaeval Persian Painting: The Evolution of an Artistic Vision*. Eng. ed. New York: Bibliotheca Persica, 2008.
34. Adamova, Adel, and Manijeh Bayani. *Persian Painting. The Arts of the Book and Portraiture*. London: Thames & Hudson, 2015.

Источники

- I. Клавихо, Руй Гонсалес де. “Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403–1406 гг.”. Ред. Измаил Срезневский. СПб.: тип. Академии наук, 1881. (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, т. 28, no. 1).
- II. Клавихо, Руй Гонсалес де. *Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406)*. Пер. с исп. М.: Наука, 1990. Дата обращения февраль 17, 2021. https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/3181/4379_1_o.pdf.
- III. Clavijo, Ruy Gonzales de. *Vida y hazañas del gran Tamorlan*. Sevilla: s. n., 1582.
- IV. Clavijo, Ruy Gonzales de. *Vida y hazañas del gran Tamorlan*. Madrid: s. n., 1782.
- V. Clavijo, Ruy Gonzales de. *Narrative of the Embassy of Ruy Gonzalez de Clavijo to the Court of Timour at Samarkand A. D. 1403–1406*. Eng. ed. London: Hakluyt Society Publ., 1859.
- VI. Clavijo, Ruy Gonzales de. *Embassy to Tamerlane. 1403–1406*. London: Harper, 1928.
- VII. Clavijo, Ruy Gonzales de. *Embassy to Tamerlane, 1403–1406*. London: Hardinge Simpole, 2009.
- VIII. Навои, Алишер. *Избранные произведения*. Ред. Александр Дейч и Лев Пеньковский. Л.: Советский писатель, 1948.
- IX. “Сказка о лиловой бане, лиловом городе и Масуде”. В сб. *Персидские сказки*, 226–40. М.: Изд-во восточной литературы, 1959.
- X. Аникин, Владимир, ред. “Сказки народов Азии”. В *Сказки народов мира*, т. III: 643–4. М.: Детская литература, 1988.

Статья поступила в редакцию 21 февраля 2021 г.;
рекомендована к печати 12 августа 2022 г.

Контактная информация:

Морозова Анна Валентиновна — канд. искусствоведения, д-р культурологии, доц. ;
a.v.morozova@spbu.ru
Даруди Айсан — aysan.darudi@gmail.com

Written and Pictorial Sources on the Architecture of Persia and Central Asia during the Era of Timur's and Timurids' Rule

A. V. Morozova, A. Daroudi

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Morozova, Anna, and Aysan Daroudi. "Written and Pictorial Sources on the Architecture of Persia and Central Asia during the Era of Timur's and Timurids' Rule". *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts* 12, no. 4 (2022): 724–743. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2022.409> (In Russian)

The article is devoted to the study of the most valuable source at the culture and architecture of Persia and Central Asia during the reign of Timur (late 14th — early 15th centuries) — the diary of the Spanish ambassador to the court of Timur. At this stage in the development of researching on the Persian and Central Asian architecture of the Timurid period, along with the problem of “analysis” of monuments and artistic style, the problem of “synthesis” of image of these architecture is urgent. The authors of this article propose a methodology for restoring the general impression of this architecture, which can serve as a basis for the process of “synthesis”, based on the study of the contemporary written source of the early 15th century — the diary of the Spanish grandee Ruy Gonzalez de Clavijo, who was part of the Spanish embassy, sent by the Castilian king Enrice III to the court of Timur at 1403–1406. Being an educated man and receptive to the new, Clavijo was able to isolate the characteristic features of the worldview of a man of the East, primarily an oriental despot, and the associated features of the art of the East. He and his colleagues in the embassy drew attention to the cunning, treachery, ingenuity, secrecy of the eastern rulers. The Spaniards were struck by the luxury, power and wealth of Timur's state, which at that time was at the zenith of glory. The Spaniards, accustomed to the stability of architectural images in their native Spain, were amazed at the variability of the artistic images of the East. They drew attention to the love of the representatives of the peoples of the East for free draperies, giving themselves to the will of the wind, in the temporary architecture and in festive women's clothes, that by their nature were well consistent with the decoration of architectural buildings. The Spanish envoys revealed that subservient to the first and most faithful fresh impression, tenaciously grasping the main difference between the architecture of Timur's state and contemporary European architecture. This difference consisted in the desire to create an image that is changing, diverse, fluid, mobile, not instantly solved and full of mystery, but at the same time striking the imagination with its luxury and wealth and according to the understanding of their masters, customers and spectators. The conclusion about the specifics of Timurid architecture, made on the basis of a study of the diary of the Spanish ambassador, is supported by the authors of the article turning to the analysis of written and pictorial sources created by representatives of the studied culture itself.

Keywords: Persia' art, Central Asia' art, Timur State' architecture, Spanish-Persian cultural contacts, Spanish-Central-Asian cultural contacts, Orient' understanding of Europeans, Timurid art' specificity, Ruy Gonzalez de Clavijo, the 15th century' Spanish embassy.

References

1. Pugachenkova, Galina. *Ways of development of architecture of south Turkmenistan of the time of slavery and feudalism*. Moscow: Academy of Sciences Publ., 1958. (In Russian)
2. Golombek, Lisa, and Donald Wilber. *The Timurid Architecture of Iran and Turan*. 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 1988.
3. Golombek, Lisa, and Maria Subtelny, eds. *Timurid Art and Culture: Iran and Central Asia in the Fifteenth Century*. Leiden: Brill, 2014.
4. Dale, Stephen. “The Legacy of the Timurids”. *Journal of the Royal Asiatic Society*, no. 8 (1998): 43–58.

5. Habibi, Amir. *Art of the Timurid Era*. Tehran: Bonyad-e Farhang Publisher, 1976. (In Farsi)
6. Hillenbrand, Robert. "The Timurid Achievement in Architecture". In *A survey of Persian art from pre-historic time to the present*, 18 vols. Ed. Abbas Daneshvari, vol. 18: 235–45. Costa Mesa: Mazda Publ., 2005.
7. Hillenbrand, Robert. "Aspects of Timurid Architecture in Central Asia". In *Utrecht Papers on Central Asia*. Proceedings of the First European Seminar of Central Asian Studies held at Utrecht, 16–18 December 1985, eds Mark van Damme and Hendrik Boeschoten, 255–86. Utrecht: University of Utrecht, 1987.
8. O'Kane, Bernard. *Timurid Architecture in Khurasan*. Costa Mesa: Mazda Publ., 1987.
9. O'Kane, Bernard. "Iran and Central Asia". In *The Mosque: history, architectural development and regional diversity*, ed. Martin Frishman and Hasan-Uddin Khan, 118–39. London: Thames and Hudson, 1994.
10. Akhmedov, Buritai, Roziia Mukminova and Galina Pugachenkova. *Amir Temur. Amir Temur. Life and social-political activity*. Tashkent: Universitet Publ., 1999. (In Russian)
11. Tursunova, Gulchekhra. *Main stages of activity of Amir Temur*. PhD thesis. Khudzhand' department of Tadzhiikskiy University of commerce, 2006. (In Russian)
12. Starodub, Tatiyana. *Evolution of types of medieval musulman architercture*. DA thesis. Research Institute of the Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts, 2006. (In Russian)
13. Voronina, Veronika. *Architectural monuments of Middle Asia: Bukhara, Samarkand*. Leningrad: Avro-ra Publ., 1969. (In Russian)
14. Onullakhi, Seidaga. *Tebriz during 13th–17th centuries (Social-economical history of city)*. DH thesis. Institute of history of Academy of Sciences of Azerbaidzhanskaya SSR, 1982. (In Russian)
15. Iusupova, Mavliuda. *School of architecture of the 15th–17th centuries in Bukhara: specific features and dynamic of development*. DA thesis. Tashkentskiy architectural-building' Institute, 2000. (In Russian)
16. Bernadini, Michelle. "The Ceremonial Function of Markets in the Timurid City". In *Environmental Design*, no. 9 (1991): 90–7.
17. O'Kane, Bernard. "The Timurid Bazar and the Origin of the Domed Tim." In *Historians in Cairo: Essays in Honor of George Scanlon*, ed. Jill Edwards, 17–28. Cairo: AUC Press, 2002.
18. Dold-Samplonius, Yvonne. "Calculation of Arches and Domes in 15th Century Samarkand" In *Nexus III: Architecture and Mathematics*, ed. Kim Williams, 45–55. Pisa: Pacini Editore, 2000.
19. Rakhimzade, Golamkhosein. *Development of architectural ornament of Maverannakhr and Khorasan during 14–15th centuries*. PhD thesis. Tajik National University, 2015. (In Russian)
20. Tondi, Akhmad. *Architectural decoration of Middle Asia of the time of Timurids*. PhD thesis. Moscow State University, 2003. (In Russian)
21. Necipoglu, Gülrü. "Geometric Design in Timurid/Turkmen Architectural Practice: Thoughts on a Recently Discovered Scroll and Its Late Gothic Parallels" In *Timurid Art and Culture: Iran and Central Asia in the Fifteenth Century*, Lisa Golombek and Maria Subtelny (eds), 48–66. Leiden: E. J. Brill, 1992.
22. Bulatov, Mitkhat. *Geometric harmonization in Central Asian architecture in the 9th–15th centuries*. Moscow: Nauka Publ., 1978. (In Russian)
23. Chaghatai, Muhammad. "Indian links with Central Asia in architecture". In *Indian Arts and Letters*, no. 11 (1937): 85–94.
24. Golombek, Lisa. "The paysage as funerary imagery in the Timurid Period". In *Muqarnas*, no. 10 (1993): 241–52.
25. O'Kane, Bernard. "Timurid Stucco Decoration." In *Annales Islamologiques*, no. 20 (1984): 85–101.
26. Sedlmayr, Hans. *Kunst und Wahrheit. Zur Theorie und Methode der Kunstgeschichte*. Rus. ed. Transl. by Iuriy Popov. St Petersburg: Axioma Publ., 2000. (In Russian)
27. Khalaminskii, Iuriy. *By ways of legends*. Moscow: Sovetskii khudozhnik Publ., 1967. (In Russian)
28. Roux, Jean-Paul. Tamerlan. Rus. ed. Moscow: Molodaia gvardiia Publ.; Palimpsest Publ., 2012. (In Russian)
29. Mirokova, I. "Clavijo. 'Diary of travel to Samarkand' (Characteristic comparison of two editions of 1582 and 1782)". In *Pis'mennye pamiatniki Vostoka. Istoriia, filologiya*, eds Magomed-Nuri Osmanov and others, 133–43. Moscow: Nauka Publ., 1979. (In Russian)
30. Adamova, Adel. *Persian manuscripts, painting and drawings of the 15th — beginning of the 20th century. Collection catalog*. St Petersburg: State Hermitage Publ., 2010. (In Russian)
31. Gasanzade, Dzhamilja, and Agasalim Jefendiev. Behzad, his influence and role in Tebriz. *Iskusstvo*, no. 2 (2014): 56–63. (In Russian)

32. Ashrafi, Muhaddim. *Behzad and development of Buhara school of miniature*. Dushanbe: Donish Publ., 1987. (In Russian)
33. Adamova, Adel. *Mediaeval Persian Painting: The Evolution of an Artistic Vision*. Eng. ed. New York: Bibliotheca Persica, 2008.
34. Adamova, Adel, and Manijeh Bayani. *Persian Painting. The Arts of the Book and Portraiture*. London: Thames & Hudson, 2015.

Sources

- I. Clavijo, Ruy Gonzales de. *Diary of travel to the courtyard of Timur in Samarkand in 1403–1406*. Rus. ed. Ed. Izmail Sreznevskii. St Petersburg: Akademiia nauk Print House, 1881. (Sbornik o russkom yazike i slovesnosti imperatorskoy Akademii nauk, vol. 28, no. 1). (In Russian)
- II. Clavijo, Ruy Gonzales de. *Diary of travel to the yard of Timur in Samarkand in 1403–1406*. Rus. ed. Moscow: Nauka, 1990. Accessed February 17, 2021. https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/3181/4379_1_o.pdf. (In Russian)
- III. Clavijo, Ruy Gonzales de. *Vida y hazañas del gran Tamorlan*. Sevilla: s. n., 1582.
- IV. Clavijo, Ruy Gonzales de. *Vida y hazañas del gran Tamorlan*. Madrid: s. n., 1782.
- V. Clavijo, Ruy Gonzales de. *Narrative of the Embassy of Ruy Gonzalez de Clavijo to the Court of Timour at Samarkand A. D. 1403–1406*. Eng. ed. London: Hakluyt Society, 1859.
- VI. Clavijo, Ruy Gonzales de. *Embassy to Tamerlane. 1403–1406*. London: Harper, 1928.
- VII. Clavijo, Ruy Gonzales de. *Embassy to Tamerlane, 1403–1406*. London: Hardinge Simpole, 2009.
- VIII. Navoi, Alisher. *Selected works*. Alexandr Deusch and Lev Pen'kovskiy (eds). Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., 1948.
- IX. "The tale about purple bath, purple city and Masud". In *Persian tales*, 226–40. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1959.
- X. Anikin, Vladimir, ed. "Tales of people of Asia". In *Tales of people of world*, vol. III: 643–4. Moscow: Detskaya literatura Publ., 1988.

Received: February 21, 2021

Accepted: August 12, 2022

Author's information:

Anna V. Morozova — PhD in History of Art, Dr. Sci. in Culturology, Associate Professor;

a.v.morozova@spbu.ru

Aysan Daroudi — aysan.darudi@gmail.com